

Мюссе Альфред де

Сын Тициана. Мушка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А59

А59 **Альфред де М.**
Сын Тициана. Мушка / Мюссе Альфред де – М.: Книга по Требованию, 2026. –
112 с.

ISBN 978-5-519-98413-3

ISBN 978-5-519-98413-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

титься о томъ, чтобы хозяйка дома не оставалась въ убыткѣ. Въ то время, какъ катились груды цехиновъ, кипрское вино лилось рѣкой, дамы усиленно кокетничали, и жертвы двойного дурмана оставляли тамъ деньги и разумъ.

Герой нашего разсказа только что вышелъ изъ этого опаснаго мѣста и понесъ въ эту ночь не одну потерю; мало того, что онъ проигрался въ пухъ и прахъ,—его единственная картина, которую всѣ знатоки находили превосходной, только что погибла при пожарѣ во дворцѣ Дольфино. Сюжетъ ея былъ взятъ изъ исторіи и разработанъ съ вдохновеніемъ и смѣлостью кисти, почти достойными самого Тиціана; это полотно было продано одному сенатору, и его постигла та же участь, какъ и многія другія великія произведенія искусства: неосторожность слуги обратила всѣ эти сокровища въ пепелъ. Но Пиппо былъ весьма мало опечаленъ этимъ; онъ думалъ лишь объ игрѣ, въ которой ему такъ упорно не везло, и о проигранныхъ ставкахъ.

Вернувшись домой, онъ прежде всего поднялъ посланный на столъ коверъ и сосчиталъ оставшіяся въ ящикѣ деньги; затѣмъ, будучи отъ природы веселаго и безпечнаго нрава, онъ, послѣ того какъ его раздѣли, усѣлся въ халатѣ у окна. Было уже совсѣмъ свѣтло, и онъ не зналъ, закрыть ли ему ставни и лечь въ постель или же встать, какъ и всѣ остальные. Пиппо давно уже не видѣлъ восхода солнца, и небо показалось ему веселѣе обыкновеннаго. Не рѣшивъ окончательно, лечь ему или встать, и продолжая бороться со сномъ, онъ сталъ пить на балконѣ шоколадъ. Какъ только глаза его закрывались, ему казалось, что онъ видитъ предъ

собой столъ, лихорадочно дрожащія руки, блѣдныя лица и слышитъ звонъ игорныхъ чашъ.

— Какой-то рокъ преслѣдуетъ меня!—бормоталъ онъ,—проиграть, имѣя пятнадцать!—И Пиппо видѣлъ своего обычнаго противника, стараго Веспасіано Меммо въ ту минуту, какъ тотъ, получивъ восемнадцать, хваталъ лежавшую на сукнѣ груду золота. Тогда онъ спѣшилъ открыть глаза, чтобы отогнать отъ себя этотъ кошмаръ, и глядѣлъ на дѣвочекъ, проходившихъ по набережной; вдругъ ему показалось, что вдали появилась женщина въ маскѣ: хотя и было время карнавала, его удивило это, такъ какъ бѣдняки не носили масокъ, а венеціанскія дамы не имѣли обыкновенія выходить въ такой ранній часъ безъ провожатыхъ и пѣшкомъ *) Но Пиппо замѣтилъ вскорѣ, что принялъ за маску лицо приближавшейся къ нему негритянки. Она показалась ему довольно хорошо сложенной. Она шла очень быстро, и подъ усѣянными цвѣтами платьемъ, облившимъ при порывахъ вѣтра бедра, обрисовывались граціозныя очертанія ея фигуры. Пиппо перегнулся черезъ перила и не безъ удивленія увидѣлъ, что негритянка постучала въ дверь его дворца.

Привратникъ замѣшкался.

— Что тебѣ надо?—крикнулъ молодой человекъ,—тебѣ нуженъ я, смглянка? Меня зовутъ Вечелліо, и если тебя заставляютъ ждать, то я самъ отворю тебѣ.

Негритянка подняла голову.

— Васъ зовутъ Помпоніо Вечелліо?

— Да,—или Пиппо, если тебѣ угодно.

*) Въ тѣ времена въ Венеціи въ продолженіе всего карнавала выходили въ маскахъ.

— Вы сынъ Тиціана?

— Къ твоимъ услугамъ; но что же тебѣ надо?

Окинувъ Пиппо быстрымъ и любопытнымъ взглядомъ, негритянка отступила на нѣсколько шаговъ и ловко бросила на балконъ маленькую, завернутую въ бумагу, шкатулку; затѣмъ она пустилась бѣжать, оглядываясь по временамъ. Пиппо поднялъ шкатулку, открылъ ее и нашелъ въ ней красивый кошелекъ, завернутый въ вату. У него мелькнула мысль: нѣтъ ли подъ ватой записки, изъ которой было бы видно, что все это означаетъ; тамъ, дѣйствительно, оказалась записка, но она была такъ же загадочна, какъ и все остальное, ибо содержала лишь слѣдующія слова:

„Не трать легкомысленно то, что я заключаю въ себѣ; клади въ меня червонецъ, выходя изъ дому; этого довольно на день; а если вечеромъ у тебя останется что-нибудь, то ты всегда найдешь нищаго, который поблагодаритъ тебя за милостыню, какъ бы она ни была мала.“

Молодой человѣкъ долго вертѣлъ шкатулку, разсматривалъ кошелекъ, снова глядѣлъ на небрежную и, окончательно убѣдившись, что онъ ничего болѣе не узнаетъ, подумалъ: «Надо признаться, что это необыкновенный подарокъ; но, къ несчастью, онъ сдѣланъ совсѣмъ некстати. Мнѣ даютъ хорошій совѣтъ, но слишкомъ поздно говорить о спасеніи тому, кто находится уже на днѣ Адріатики. Но какой дьяволъ могъ прислать мнѣ это?»

Пиппо легко догадался, что негритянка была служанкой. Онъ началъ перебирать въ памяти женщинъ и друзей, которые могли бы сдѣлать ему этотъ подарокъ; и такъ какъ онъ не страдалъ излишней скромностью; то рѣшилъ, что это,

по всей вѣроятности, подарокъ женщины. Кошелекъ былъ изъ бархата и вышитъ золотомъ; онъ былъ слишкомъ тонкой работы, чтобы допустить, что его купили въ лавкѣ.

Пиппо перебралъ въ умѣ всѣхъ первыхъ красавицъ Венеціи, затѣмъ тѣхъ, кто уступалъ имъ красотой; но тутъ онъ остановился и задался вопросомъ, какъ ему открыть, чей это кошелекъ. Пиппо отдался во власть самыхъ смѣлыхъ и сладкихъ грезъ; нѣсколько разъ ему казалось, что онъ угадалъ; съ замираніемъ сердца старался онъ узнать почеркъ; одна болонская княгиня выводила такъ заглавныя буквы; и почти такой же почеркъ былъ у одной красавицы изъ Бресціи.

Нѣтъ ничего отвратительнѣе непріятной мысли, внезапно явившейся среди подобныхъ мечтаній; это почти все равно, что наступить на змѣю, гуляя по покрытому цвѣтами лугу. То же самое испыталъ Пиппо, вспомнивъ вдругъ о нѣкоей Моннѣ Біанкинѣ, отравлявшей ему съ нѣкотораго времени существованіе. У него была съ этой женщиной маскарадная интрига,—Монна Біанкина была довольно красива, но онъ не чувствовалъ ни малѣйшей любви къ ней; между тѣмъ она страстно влюбилась въ Пиппо и заподозрила любовь тамъ, гдѣ была лишь простая вѣжливость; она не давала ему покоя, часто писала и осыпала нѣжными упреками; но онъ поклялся однажды, выходя отъ нея, что его нога никогда болѣе не будетъ въ ея домѣ. и остался вѣренъ своей клятвѣ. И у него явилась мысль, что кошелекъ, вѣроятно, сдѣланъ и посланъ ему Монной Біанкиной; это подозрѣніе уничтожило всю его веселость и разсѣяло мечты, которыми онъ тѣшилъ себя; чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ правдоподобнѣе каза-

лось ему это предположеніе; Пиппо пришелъ въ самое скверное настроеніе, закрылъ окно и рѣшилъ лечь спать.

Но онъ не могъ заснуть; вопреки очевидности, онъ не въ силахъ былъ разстаться съ сомнѣніями, которыя льстили его самолюбію, и невольно продолжалъ мечтать: онъ то хотѣлъ забыть кошелекъ и не думать о немъ болѣе, то старался увѣрить себя, что Монна Біанкина не существуетъ вовсе, и отдавался полету своей фантазіи. Тѣмъ не менѣе онъ задернулъ занавѣсъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ, чтобы не видѣть свѣта. Но вдругъ Пиппо соскочилъ съ постели и позвалъ слугъ. У него явилось весьма простое соображеніе, которое раньше не приходило ему въ голову: Монна Біанкина не была богата; у нея была только одна служанка и притомъ не негритянка, а какая-то толстуха изъ Кіуджи. Откуда она могла достать на сегодняшний день эту посланницу, которой онъ никогда раньше не видѣлъ въ Венеціи?

— Да будетъ благословенно твое черное лицо!—воскликнулъ Пиппо,—и африканское солнце, которое дало ему этотъ цвѣтъ!—И онъ тотчасъ же велѣлъ подать себѣ камзолъ и приготовить гондолу.

II.

Пиппо рѣшилъ отправиться къ синьорѣ Доротеѣ,—супругѣ авогадора Паскалиго. Эта почтенная дама была одной изъ самыхъ богатыхъ и умнѣйшихъ женщинъ республики; она была къ тому же крестной матерью Пиппо, и такъ какъ во всей Венеціи не было ни одного сколько-нибудь замѣтнаго лица, котораго бы она не знала,—

то онъ надѣялся, что синьора Доротея поможетъ ему разгадать занимавшую его тайну. Но онъ находилъ неудобнымъ являться къ своей покровительницѣ въ такой ранній часъ и пошелъ прогуляться подъ аркадами Прокурать.

Случилось такъ, что онъ встрѣтилъ тамъ Монну Біанкину, покупавшую себѣ матерію; Пиппо вошелъ въ лавку и, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, вдругъ произнесъ:

— Монна Біанкина, вы прислали мнѣ сегодня утромъ прекрасный подарокъ и дали мудрый совѣтъ; примите мою глубочайшую благодарность.

Говоря съ такой увѣренностью, онъ, можетъ быть, рассчитывалъ тотчасъ же освободиться отъ мучившихъ его сомнѣній, но Монна Біанкина была слишкомъ хитра, чтобы обнаружить удивленіе, не зная навѣрное, соотвѣтствуетъ ли это ея интересамъ. И хотя она ничего не посылала молодому человѣку, но рѣшила запутать его въ своихъ сѣтяхъ; правда, она отвѣчала ему, что не знаетъ, о чемъ онъ говоритъ; но при этомъ она чуть замѣтно улыбнулась и такъ покраснѣла, что, вопреки очевидности, Пиппо не сомнѣвался болѣе, что кошелекъ присланъ Монной Біанкиной.

— А давно у васъ служить эта красивая негрятка?—спросилъ онъ ее.

Она пришла въ замѣшательство и въ первую минуту не знала, что отвѣтить; потомъ разразилась громкимъ смѣхомъ и исчезла: Оставшись одинъ, Пиппо, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, рѣшилъ отказаться отъ посѣщенія синьоры Доротеи: онъ вернулся домой, швырнулъ кошелекъ въ уголъ и пересталъ о немъ думать.

Нѣсколько дней спустя онъ проигралъ крупную сумму на честное слово.

Выходя изъ дому, чтобы расплатиться, Пиппо рѣшилъ воспользоваться этимъ кошелькомъ: кошелекъ былъ великъ и шелъ къ его поясу; онъ взялъ его и въ тотъ же вечеръ игралъ снова и опять остался въ проигрышѣ.

— Вы продолжаете?—спросилъ его старый нотаріусъ сэръ Веспасіано, когда Пиппо проигралъ все, что у него было.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ,—я не хочу больше играть на честное слово.

— Но я дамъ вамъ займы сколько угодно!—воскликнула княгиня Орсини.

— И я также,—сказалъ сэръ Веспасіано.

— И я также,—повторила звучнымъ и нѣжнымъ голосомъ одна изъ многочисленныхъ племянницъ княгини,—но откройте свой кошелекъ, сеньоръ Вечеллю: тамъ остался цехинъ.

Пиппо улыбнулся и, дѣйствительно, нашелъ на днѣ кошелька забытую монету.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—сыграемъ въ послѣдній разъ.

Онъ взялъ чашу, выигралъ и удвоилъ ставку; черезъ какой-нибудь часъ Пиппо вернулъ все, что онъ проигралъ наканунѣ и въ тотъ вечеръ.

— Вы продолжаете?—въ свою очередь спросилъ онъ сэра Веспасіано, передъ которымъ не оставалось болѣе ни одной монеты.

— Нѣтъ! я былъ бы круглымъ дуракомъ, если бы позволилъ обыграть себя до-чиста человѣку съ однимъ цехиномъ. Да будетъ проклятъ этотъ кошелекъ! Онъ, безъ сомнѣнія, заколдованъ.

И нотаріусъ вышелъ изъ залы взбѣшенный.

Пиппо собирался послѣдовать за нимъ, но въ эту минуту племянница княгини сказала ему, смѣясь:

— Вы обязаны мнѣ своей удачей: подарите же мнѣ цехинъ, который принесъ вамъ счастье.

На этомъ цехинѣ была царапина, по которой легко было узнать его. Пиппо нашелъ цехинъ и уже протянулъ руку, чтобы отдать его хорошенькой племянницѣ, какъ вдругъ воскликнулъ:

— Клянусь честью, моя красавица, вы его не получите; но чтобы показать вамъ, что я не скупъ, я попрошу васъ принять отъ меня десять червонцевъ; что же касается этого, то я хочу послѣдовать совѣту, который мнѣ недавно дали, и подарю его Провидѣнію.

Съ этими словами онъ выбросилъ цехинъ за окно.

— Неужели кошелекъ Монны Біанкины приноситъ мнѣ счастье?—думалъ онъ дорогой,—было бы насмѣшкой судьбы, если бы вещь, сама по себѣ непріятная мнѣ, оказалась благотѣльной для меня.

И, дѣйствительно, Пиппо увидѣлъ вскорѣ, что онъ выигрываетъ всякій разъ, какъ пользуется этимъ кошелькомъ. Опуская туда золотой, онъ не могъ отдѣлаться отъ суевѣрнаго страха и невольно думалъ иногда о справедливости словъ, найденныхъ имъ на днѣ шкатулки. Цехинъ—бездѣлица,—говорилъ онъ себѣ,—однако у многихъ онъ бываетъ далеко не каждый день.—Эта мысль дѣлала его благоразумнѣе и заставляла нѣсколько сокращать свои расходы.

Къ несчастью, Монна Біанкина не забыла своего разговора съ Пиппо. Не желая выводить его изъ заблужденія, она посылала ему время отъ времени записки съ букетами цвѣтовъ и разными

бездѣлушками. Какъ я уже говорилъ, она ему надоѣла, и онъ рѣшилъ не отвѣчать ей.

Его холодность заставила Монну Біанкину отважиться на дерзкій шагъ, который очень не понравился молодому человѣку. Воспользовавшись его отсутствіемъ, она явилась къ нему одна, подкупила слугу и успѣла спрятаться въ комнатахъ. Вернувшись домой, Пиппо нашелъ ее у себя и былъ принужденъ объявить ей разъ навсегда, что у него нѣтъ никакой любви къ ней, и попросилъ ее оставить его въ покоѣ.

Біанкина была, какъ я уже говорилъ, хороша собой и пришла въ бѣшенство; она осыпала Пиппо упреками, далеко не вѣжными на этотъ разъ. Она сказала ему, что онъ обманывалъ ее, говоря о любви, что она считаетъ себя обезчещенной и отомститъ ему. Ея угрозы разсердили Пиппо; чтобы доказать ей, что онъ ничего не боится, онъ тутъ же заставилъ ее взять обратно букетъ, который она прислала ему утромъ; и такъ какъ подъ руку ему подвернулся кошелекъ, то онъ сказалъ:

— Возьмите также и это; этотъ кошелекъ принесъ мнѣ счастье, но знайте, что я ничего не хочу отъ васъ.

Но онъ тотчасъ же пожалѣлъ, что поддался этой вспышкѣ гнѣва. Монна Біанкина позаботилась о томъ, чтобы ея ложъ не выплыла наружу. Въ ней было не меньше притворства, чѣмъ злобы. Она взяла кошелекъ и удалилась, рѣшивъ заставить Пиппо раскаяться въ томъ, что онъ позволилъ себѣ такъ обращаться съ нею.

Вечеромъ Пиппо игралъ по обыкновенію, но остался въ проигрышѣ; въ слѣдующіе дни ему также не везло. У сэра Веспасіано всякій разъ ока-

зывались лучшія кости, и онъ выигралъ у Пиппо значительную сумму. Тотъ упрямо продолжалъ играть, бросая вызовъ судьбѣ и своему суевѣрію— и неизмѣнно проигрывалъ. Выходя однажды отъ княгини Орсини, онъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не воскликнуть на лѣстницѣ:

— Да простить меня Богъ! Но мнѣ кажется, что этотъ старый безумецъ былъ правъ, и мой кошелекъ, дѣйствительно, таитъ въ себѣ колдовство; ибо съ тѣхъ поръ, какъ я вернулъ его Біанкинѣ, мои кости всякій разъ оказываются побитыми.

Въ эту минуту передъ нимъ мелькнуло платье съ цвѣтами, изъ-подъ котораго виднѣлись двѣ тонкихъ и быстрыхъ ноги: то была таинственная негритянка. Пиппо ускорилъ шаги, догналъ ее и спросилъ, кто она и кому принадлежитъ.

— Кто это знаетъ?—съ лукавой улыбкой отвѣчала негритянка.

— Ты, я полагаю. Ты служанка Монны Біанкипы?

— Нѣтъ; а кто это Монна Біанкина?

— О, Господи! Да та самая, которая прислала мнѣ тогда съ тобой шкатулку; ты очень ловко бросила ее ко мнѣ на балконъ.

— Откуда вы это взяли, сіятельнѣйшій синьоръ?

— Не притворяйся, я знаю все: она сама мнѣ это сказала.

— Если она вамъ это сказала...—отвѣчала негритянка нерѣшительно: она пожала плечами, подумала съ минуту; затѣмъ, слегка ударивъ Пиппо по щекѣ вѣеромъ, крикнула ему, убѣгая:

— Тебя одурачили, мой красавецъ!

Улицы въ Венеціи образуютъ такой запутан-